

ДЕЛО №5

Влада Ольховская

ИСТОЧНИК СВЕТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление *О. Жукова*

Ольховская, Влада.

О-56 Источник света: [роман]/ Влада Ольховская. – Москва: Издательство АСТ, 2027. – 448 с.— (Русский профайлер).

ISBN 978-5-17-189737-6

Способна ли секта появиться в самом сердце страны и много лет оставаться незамеченной? Она разрушительна, она ломает судьбы и отнимает жизни, но никто о ней не знает – звучит как фантазия маленького ребенка, обратившегося к профайлерам в наивной попытке розыгрыша. И от просьбы о помощи так легко отмахнуться, ведь настолько грандиозное зло не может оставаться невидимым. В конце концов, у профайлеров есть дела поважнее — поиски пропавшего человека, загадочная гибель семейной пары, убийство, о котором все знают, однако никто не может его доказать. Здесь угроза реальна, и домыслы лучше проигнорировать, но... Но что, если секта все-таки есть?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189737-6

© Ольховская В., 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Сюжет книги частично основан
на реальных событиях.

*Иногда, чтобы выжить
в подступающей со всех сторон тьме,
нужно на один источник света больше.*

ГЛАВА 1

Яна вдруг четко представила два набора цифр на черном граните надгробья: день своего рождения — и сегодняшнюю дату. Гравировка на полированной поверхности, позолота букв, все так четко, будто камень уже существует... Как предупреждение ей! И на миг Яне захотелось внять этому предупреждению, поверить, бежать прочь, наплевав на свои обещания и возможный позор.

Но она заставила себя остаться на месте. Она никогда не поддавалась капризам и слабости — и сегодня не поддастся! Ведь если бы она потакала беспричинному волнению, она никогда бы не стала чемпионкой, не построила карьеру, не получила бы все, что имеет сейчас. Яна всегда гордилась своей железной волей, которая и теперь помогла ей унять тревожный голос инстинктов и мысли о смерти. Ну что такое инстинкты? Они у каждой обезьяны есть, не хватало еще вести себя как перепуганное животное. Что же до мыслей о смерти, это и вовсе глупость, детский сад какой-то. Не будет никакой смерти. Яна не первая, кто проходит через процедуру — и уж точно не последняя! Ее окружают люди, которые проделывали такое не раз, они сами это пережили, все будет хорошо.

Но как же все-таки страшно... Вопреки всем доводам разума — страшно, этого Яна отрицать не могла.

Она заставляла себя нервно улыбаться, часто моргала, чтобы слезы не сорвались с глаз, однако унять дрожь и напряжение не получалось. Скрыть тоже не получалось: сложно что-то скрыть, когда на тебе нет одежды. Яна пыталась вспомнить, когда последний раз сталкивалась с такой болезненной уязвимостью, и не могла. Но она должна это выдержать, это такое же испытание, как соревнования, и она обязательно вновь станет лучшей!

Яна понятия не имела, где находится, ей не позволили узнать. Оценить размер зала, в который ее привели, она тоже не могла, слишком уж темно здесь было. Свет давали только свечи, тонкие, черные, и их золотистое сияние рассеивало мглу на небольшом участке, а дальше бал правила вечная ночь: окон то ли не было, то ли их завесили очень плотными шторами.

Да и времени на осмотр у Яны толком не осталось, когда ритуал начался, ее не оставляли в покое, рядом постоянно кто-то находился. От этого должно было стать легче, она ведь знала каждую, кто пришел сюда! Только вот легче почему-то не становилось. Это были те самые женщины, с которыми она общалась много месяцев, и как будто не они... Дело даже не в том, что все они были в одинаковых белых платьях, закрывавших их от шеи до ступней, и только Яне пришлось полностью раздеться, это она еще могла выдержать, она всегда гордилась своим телом. Куда больше ее смущало то, как изменились их лица, их взгляды... Она впервые подумала о том, что, возможно, доверилась людям, которых совсем не знает.

Больше не было ни теплых улыбок, ни поддерживающих слов. Ей просто говорили, что делать, и она подчинялась. Львиная доля ее энергии была направлена на то, чтобы заглушить голос инстинктов, не поддаться, не убежать. На другое просто не оставалось сил, Яна позволила себя вести. Нужно потерпеть не так много...

И все-таки почему они смотрят на нее так странно? Как будто знают больше, чем сказали ей, как будто сожалеют — или злорадствуют? Или всё сразу? Нет, это неправда, просто ее воображение... Оно хочет, чтобы она поддалась, чтобы стала слабой и никогда не простила себя за этот позор. Яна упрямо улыбалась, постоянно, широко, шире, чем когда ей действительно было весело. Она побеждала собственную природу и лишь в этом находила утешение.

Ее уложили на стол — мягкий, похоже, массажный, накрытый простыней и потому не особо холодный, но Яна все равно вздрогнула. Она знала, что будет дальше. На коже проступила испарина, тело, в отличие от разума, слушало инстинкты, оно хотело бежать все сильнее... Скоро у нее отняли такую возможность.

Женщины, провожавшие ее к столу, навалились на нее со всех сторон, придавили собственным весом руки и ноги. Яна могла бы оттолкнуть каждую из них, но всех вместе — никогда. А главное, в этом не было смысла! Яна лежала спокойно, она даже не пыталась сопротивляться, но на нее уже давили так, что становилось больно. Это без слов рассказывало ей о том, что ее ждет. Мысли о смерти нахлынули с новой силой, образ черного надгробья больше не отпускал — на том самом тихом кладбище, где похоронили бабушку и дедушку, под старой яблоней, роняющей на могилы бело-розовые лепестки... Почему не получается избавиться от этого? Она не умрет, не умрет, потому что люди не умирают так глупо...

В себя ее привел знакомый голос, прозвучавший над самым ухом:

— Ты должна сказать это, Яна.

Она слышала этот голос десятки раз, может, сотни, привыкла к нему, но сегодня даже он звучал по-новому. Вкрадчиво так, будто сразу ввинчивался под

кожу и чем-то неуловимо напоминал змеиное шипение. Яна прекрасно слышала каждое слово, но почему-то не поняла смысл, ее трясло все сильнее, и женщинам уже приходилось удерживать ее, чтобы она не рухнула с узкого стола.

— Ч-что? — растерянно переспросила Яна. Голос предательски дрожал, и это бесило, ведь она надеялась, что справится с испытанием лучше, но ничего поделать не могла.

— Ты должна произнести вслух то, чего ты хочешь, — терпеливо пояснил голос. — Так, чтобы все мы услышали. Давай, Яна!

Подвох заключался в том, что она уже не очень-то этого и хотела. Да вообще не хотела! Она верила себе, когда соглашалась на церемонию, она даже предвкушала этот миг. Но когда дошло до дела, каждая частичка ее тела начала сопротивляться происходящему.

Однако Яна была чемпионкой, а чемпионки не отступают.

Она заставила себя произнести вслух то, что от нее хотели услышать. Это больше не было ее желанием — так хоть чьим-то! Яна надеялась, что этого будет достаточно, но ей не позволили отделаться так легко: все ведь заметили, как жалко звучал ее голос, как звенели слезами слова.

— Еще раз! — приказал голос. — И заставь нас поверить, что ты действительно хочешь этого. Ты ведь хочешь, Яна?

Нет.

Совсем не этого.

Но она так и не смогла произнести это «нет»: ее окружали женщины, не сводившие с нее внимательных, черных в полумраке комнаты, как будто уже нечеловеческих глаз. И разочаровать их Яна боялась даже больше, чем довести церемонию до конца. Она повто-

рила то, что от нее хотели услышать. Они не поверили — и заставили ее просить снова. Она уже не отвлекалась на сомнения, не думала о том, что говорит. Она не шептала, она кричала, одни и те же слова, раз за разом. И под конец казалось, что она не боится, она искренне хочет этого, мечтает, все идет так, как надо... Она ведь действительно мечтала — чтобы церемония поскорее закончилась. Если для этого нужно произнести какие-то там слова — пожалуйста! Яна даже не слышала эти слова за отчаянным грохотом собственного сердца.

Наконец у нее получилось произнести желание достаточно отчаянно, чтобы ей поверили. Голос над ее ухом больше не звучал и ничего не просил, женщина, говорившая с ней, отошла куда-то в сторону, и оттуда раздался странный треск. Те, кто держал Яну, навалились на нее сильнее, и это стало единственным предупреждением, которое она получила.

Ну а потом пришла боль. Острая, пробивающая насквозь, не похожая ни на что — и все превосходящая. Яне казалось, что она выдержит, но она ошиблась. Вот теперь она действительно умоляла, только уже не о продолжении церемонии, а о том, чтобы все прекратилось. Она готова была отдать что угодно, сделать что угодно, отречься от чего угодно, лишь бы закончился этот кошмар, о котором никто не сказал ей ни слова! И плевать ей теперь было, что она чемпионка, которая не сдается, Яна и от этого готова была отказаться, лишь бы ее отпустили тонкие щупальца тьмы, просочившиеся из комнаты и теперь утягивающие ее... в никуда. В день, которого еще не было, но который обязательно будет. Из зала, заполненного дрожащим пламенем свечей, в солнечный вечер на тихом кладбище, к черному надгробью, на котором теперь замкнувшийся временной отрезок и ее улыбающееся фото...

Яна не хотела этого, она хотела просто прекратить, остановить пытку, удержаться за жизнь, которая вдруг показалась такой прекрасной, такой желанной... Ей ничего не нужно, пусть только не отнимают то, что у нее и так есть! Она признала, что инстинкты были правы, лишь это имеет значение, она не повторяла слова ритуала, а искренне просила ее пощадить, но...

Но ее уже никто не слушал.

* * *

Грань между абсолютным отчаянием и психическим отклонением порой становится предельно тонка. Настолько, что в обоих этих состояниях люди совершают одинаковые поступки — страшные, чудовищные даже, показавшиеся бы невозможными им прежним, если бы им, людям этим, рассказали о таком, когда они были в ином состоянии. Но вот они изменились, или что-то заставило их измениться... В любом случае, они сотворили то, что раньше представилось бы им верхом безумства.

Об этом размышлял Николай Форсов, снова запуская на компьютере присланный ему видеоролик. Из официальных источников эту пакость давно уже убрали, но, увы, в интернете ничто не исчезает бесследно. Любой файл, попавший туда, тут же копируется и разносится по десяткам архивов, потом — сотням, тысячам даже... Все зависит от того, что подкинули Всемирной Сети. Как правило, чем более запретной оказывается тема, тем выше на нее спрос.

А здесь тема оказалась — хуже некуда! Женщина умудрилась поджечь себя прямо в центре Москвы. Она пришла на одну из тех площадей, где полно и гуляющих горожан, и туристов. Она подготовилась: вымочила одежду жидкостью для зажигалок, лишенной неприятного запаха, свойственного бензину или керосину,

позволила вещам высохнуть. Из-за этого она казалась самой обычной, вполне опрятной, не способной на такой поступок — ровно до того момента, как она его совершила.

Она развернула большой плакат, чиркнула зажигалкой — и загорелось пламя. Она горела, по-настоящему горела, и она кричала, но не от боли, как другая женщина на ее месте, она выкрикивала слова, которые стали для нее последней правдой, главной причиной, подтолкнувшей ее к такому невозможному поступку. Она знала, что ее будут снимать десятки камер — видеонаблюдение города, да еще каждый второй смартфон, оказавшийся поблизости. Многие люди теперь начинают снимать раньше, чем думать...

Это обеспечило ей внимание, которого она добивалась, а еще спасло ей жизнь. Как и следовало ожидать, в популярном среди туристов месте хватало не только простых гуляющих, но и сотрудников в штатском. И если гражданские либо застыли в шоке, либо занялись съемкой, то профессионалы отреагировали правильно: женщину спасли. Она даже не получила таких серьезных травм, как могла бы — меньше тридцати процентов тела обожжено, выживет... И, вероятнее всего, проведет остаток дней в психиатрической лечебнице.

Ну, или должна была провести. Николай слышал об этом деле, не придавал ему большого значения, не собирался вдаваться в подробности — пока это дело не переслали ему официально, с внушительным гонораром и просьбой очень, очень уважаемых людей во всем разобраться.

Щелкнула ручка, дверь в кабинет Николая начала открываться, и он тут же поставил видео на паузу. Крики несчастной женщины и так оставались лишь в наушниках, теперь он свернул и видео: он знал, что его жену такое нервирует, и старался оградить ее от своей работы.

Вера принесла в его кабинет серебряный поднос, на котором стояли чашка и прозрачный чайник. За стеклом искрился в солнечных лучах рубиновый чай, в котором плавали цветы липы, и в комнате тут же запахло летом, царившим за пределами дома. Николай благодарно кивнул жене, когда она поставила поднос на край стола. Он ожидал, что Вера сразу же уйдет, она знала, над чем он работает. Однако она задержалась, бросила на экран быстрый взгляд, больше не смотрела и все равно не двигалась с места.

— Снова смотришь на самоубийство этой несчастной? — тихо спросила Вера.

— Это не было самоубийством. Она знала, что может умереть, но сделала все, чтобы выжить.

Вместе с видео Николаю переслали и все комментарии, оставленные под роликом, когда он был общедоступным — просто на всякий случай. Ничего особо ценного профайлер там не нашел, в основном предсказуемые обвинения в адрес либо «рехнувшейся бабки», либо «системы, которая довела до такого бедную женщину».

Но сумасшедшей Екатерина Тóкарева точно не была. Она использовала достаточно зажигательной смеси, чтобы быстро вспыхнула одежда, но при этом разместила эту смесь подальше от шеи и рук, к тому же открытую кожу она смазала средством, защищающим от жара, насколько это возможно в такой ситуации. Нет, жить она точно хотела... Место, в котором она все проделала, тоже указывало на продуманность действий: она довела вероятность того, что ей помогут, до максимума. Ее целью было не погибнуть, а рассказать свою историю. Екатерина знала, что никто не сделает это лучше, чем она сама. Если бы она погибла, ей просто приписали бы какие-то мотивы и забыли о случившемся. Но она, жертвуя свободой и здоровьем, добивалась правды.

Что, впрочем, все равно не означало, что ее правда — это истина. Она могла искренне обманываться, она пережила огромное горе: меньше чем за два года она потеряла любимых дочерей и мужа, с которым прожила большую часть жизни. Екатерина вдруг осталась совершенно одна, это многих бы сломило!

В таких ситуациях люди нередко ищут причины трагедии там, где их нет. Потому что если есть виноватый — есть и потребность в мести, а значит, есть вполне достойная причина жить дальше.

Екатерина и жила этой борьбой. Она не просто догадывалась о том, кто виновен в смерти ее близких, она называла вполне конкретные имена. Вот только доказательств у нее не было, а среди обвиняемых оказались и полицейские, поэтому воспринимать немолодую женщину всерьез никто не собирался. Ей тут же наставили уйму диагнозов, от паранойи до старческого слабоумия, приписали к числу городских сумасшедших, там и оставили бы, если бы не ее «огненное шоу».

Аргументов в пользу помешательства было примерно столько же, сколько в пользу отчаяния матери, похоронившей своих детей. Тот случай, когда чаши весов застыли в идеальном равновесии... Почти идеальном. Один факт все изменил.

Это дело Николаю поручило руководство МВД. И отказываться он не стал вовсе не потому, что услуга, оказанная таким людям, порой превосходит любой гонорар. Нет, профайлер был искренне заинтригован. Он прекрасно знал: там работают вовсе не те самые бездушные коррупционеры, которых любят показывать в кино, а обычные люди, преданные своему делу. Им важно знать, правду Токарева сказала или нет, важно убрать из своих рядов тех, кто сотворил такое, они осознавали, что слепая профессиональная солидарность до добра не доводит.

При этом Николай стал их единственной надеждой. Преступление, в котором Екатерина обвиняла сотрудников полиции, произошло давно, улики, если они и были, уничтожены, документы оформлены как надо. Те самые полицейские, на которых указала Токарева, вполне предсказуемо, заявили о ее помешательстве. Получается, ее слово против их слова... Именно Николаю предстояло выяснить, за каким из слов скрывается ложь.

Он до последнего не был уверен, что возьмется за это дело, а теперь чувствовал: надо. Он не просто так снова и снова просматривал запись того, что сделала Екатерина. Ему дали видео лучшего качества, то, на котором кадр можно приблизить, рассмотреть лицо женщины, взгляд... Николай не видел никаких признаков помутнения рассудка. Екатерина прекрасно понимала, что она делает и зачем. Было ли ей страшно? Разумеется, тут здоровый разум играл против нее, подсказывая, какая боль ее ожидает. Но у нее была достаточная причина, чтобы довести дело до конца.

— Коля, я тут подумала... Я понимаю, что ты не нуждаешься в моих советах, — смущенно улыбнулась Вера. — Но ты же не против, если я скажу?

— Когда это я был против? — удивился Николай. Complimentом это не было: мнение жены он ценил так же высоко, как мнение своих учеников.

— Если те полицейские действительно так опасны, как она сказала... Почему они не избавились от нее? Господи, не верю, что говорю о таком... Видишь, до чего доводит твое влияние!

— До здравых мыслей. Ты права: до того, как устроить акт самосожжения, Токарева действовала осторожней, но полицию знатно покусывала. И жалобы писала, и с журналистами общалась, и одиночные пикеты перед участком устраивала.

— Вот! Если те люди действительно такие монстры, как она говорит, разве они не попытались бы арестовать ее?

— Тогда они были бы слишком карикатурными монстрами, — покачал головой Николай. — А там неглупые люди. Они прекрасно знали, что за Токаревой наблюдают многие, в том числе и журналисты. Если бы с ней что-то случилось, это стало бы доказательством ее правоты или хотя бы поводом для подозрений. Поэтому им было куда выгоднее отмахиваться от нее, снисходительно улыбаться и в любых официальных комментариях настаивать на том, что она просто несчастная женщина, у которой сдали нервы.

— Они ожидали, что она устанет и уgomонится, а не пойдет на площадь, — догадалась Вера.

— Именно так. Сейчас они в любом случае близки к панике — хоть виноваты, хоть нет. До них наверняка донесли, что высокое начальство не отмахнулось от Токаревой, а будет разбираться.

— Надеюсь, это не станет опасным для тебя?

— Не должно, — покачал головой Николай. — Максимум — попытаются придавить угрозами... Но мне не привыкать, а до Токаревой они не доберутся, ее уже охраняют. Вера, я и правда хочу узнать, что там случилось.

— Значит, сам будешь копать, не передашь детям?

— Дети и так при деле, ты же знаешь: у нас то пусто, то густо. А что?

Ему следовало самому догадаться насчет этого «а что»: Вера редко интересовалась его работой просто так. Но Николай уже увлекся делом Екатерины Токаревой, сосредоточился только на нем, позабыл обо всем остальном. Поэтому сейчас он не сразу вспомнил о том, что одним из расследований его попросила заняться как раз Вера.